

Мионг Сун Ок, Чан Бенг Сун

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: okmyong@gmail.com

КУЛЬТУРНАЯ ВЛАСТЬ В ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КОРЕЙСКИХ КУЛЬТУРНЫХ АРТЕФАКТОВ

В работе исследуется политика культурной географии империализма, которая практиковалась с целью доминирования над восточными культурными артефактами в конце эпохи династии Чосон и во время японского колониального периода. Потеря корейских символических объектов произошла не только в результате разрушений во время войн, но из-за деятельности имперских держав, таких как культурные экспедиции, научные исследовательские группы и дипломаты. Империалистическое господство над слабыми – это культурный проект под именем востоковедения, скрывающий его политический характер. Империалистические коллекции корейского культурного наследия представлены в форме архетипа мировоззрения или идеологии.

Ключевые слова: империалистическое культурное господство, корейские культурные артефакты, культурная власть.

Myong Soon-ok, Chun Byong-soon

Al Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: okmyong@gmail.com

The Cultural power in Western Imperialist Collection of Korean Cultural Artifacts

The paper explored a policy of cultural geography how the imperialist had practiced to dominate the Eastern cultural artifacts at the end of the Joseon Dynasty and during the Japanese colonial period. The loss of Korean symbolic objects had not only occurred by destructions during wars, but also by the operations of imperial forces such as cultural expeditions, scholarly research groups, and diplomats. The imperialist domination of the weak that was realized as a cultural project in the name of Oriental studies concealed its political nature. The imperialist collection of Korean cultural heritage displayed the archetype of how its worldview or ideology had been practiced under the assumption of dominating the Orient by force armed with new technology and knowledge.

Key words: Imperialist culture domination, Korean cultural artifacts, Cultural power.

Мионг Сун Ок, Чан Бенг Сун

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: okmyong@gmail.com

Кәріс мәдениетінің артефактілерінің Батыс империалистикалық жинағындағы мәдени билік

Бұл зерттеу жұмысында Чосон әулетінің соңы және жапон колониясы кезеңінде шығыс мәдени артефактілеріне үстемдік ететін империализмнің мәдени географиясы зерттелінді. Корейдің символдық объектілерін жоғалту соғыс кезінде жойылудың нәтижесі ғана емес, сондай-ақ мәдени экспедициялар, ғылыми-зерттеу топтары және дипломаттар секілді империялық державалардың қызметінде де болды. Әлсіздердің империалистік үстемдігі – шығыс зерттеулері үшін өзінің саяси сипатын жасырған мәдени жобалар болды. Корей мәдени мұрасының империалистикалық жинақтары идеологияның немесе идеологияның архетипі түрінде ұсынылған.

Түйін сөздер: империалистік мәдениеттің үстемдігі, Корей мәдениетінің артефактілері, Мәдениет күші.

Введение

Культурные символические артефакты считаются историческими и культурными ценностями. Однако культурная автономия не может быть гарантирована для предмета культурного производства. Корея известна как страна, богатая культурными ценностями, также как Египет, Мексика и Греция, которые прошли через политические структуры колониализма, но их культурные артефакты рассеяны по всему миру. Согласно публичному заявлению в Корею (Фонд культурного наследия зарубежных корейских культур, 1 апреля 2015 года), корейские культурные объекты, расположенные за границей, в целом насчитывают 160 342 и расположены в 20 странах. Большинство из них находятся в Японии – 67 708, остальные разбросаны по США, Великобритании, Германии, России, Франции, Китаю, Дании, Канаде и т. д., в коллекциях различных владельцев – общественных музеев и частных лиц. Это показывает, что Корейский полуостров был арендой, где западные империи конкурировали за сбор культурных ценностей в японскую колониальную эпоху.

Корейский полуостров подвергся темному периоду японского колониализма с потерей суверенитета, влиянием империалистических держав, когда многие культурные артефакты были потеряны и испорчены, что затруднило изучение истории и культуры Кореи. Раньше в корейской истории потеря культурного наследия была вызвана полномасштабными войнами, происходившими на полуострове. Однако с 1800-х годов оно стало исчезать по причине деятельности империалистов, которые способствовали созданию своей музейной системы, основанной на новых предметах так называемой восточной коллекции.

Авторы рассмотрели ситуацию с коллекцией императорских держав Востока, реализованной как культурный и интеллектуальный проект. Контекстуально рассматривая, как западные империи собирали корейское наследие, это исследование ставит целью анализ того, как империалистическая идеология трактовала культуру Восток. В качестве конкретных изучаемых событий XIX века мы рассмотрели империалистическую экспедицию на Восток, французскую кампанию против Кореи в 1866 году, также были рассмотрены коллекции иностранных должностных лиц и ученых в период династии Чосон. Это исследование основывается на древних корейских книгах, завещанных западными чиновника-

ми, выступавшими в качестве коллекционеров; на документах в Корею; и обновленных каталогах зарубежных культурных ценностей, включая вновь открытые.

Ориентальная коллекция и культурная сила

Музейная выставка древностей, как правило, имеет образовательные эффекты, вдохновляющие посетителей на осознание культурной идентичности нации или связанных с ней групп, а также воспитание и поощрение традиционных ценностей. Тем не менее, посетители музея могут оценить культуру другой нации или группы, извлеченной из своего географического локального места. Среди многих других определений империализм рассматривается как «вторжение нации определенным образом, или политический, экономический и социальный контроль и влияние», а также «некоторое эмоциональное разрушение, испытываемое со стороны широкой общественности» (Lee Voa, 2014). Присутствие артефактов другой культуры в музее становится средством умиротворения, произведения образовательных и социальных эффектов, основанных на имперском мифе. По словам Эдуарда Саида, империализму или колониализму присуща форма знаний, связанных с господством, посредством которого колонизированный «должен находиться под контролем» (Lee Yun Sub, 2013). Для государств колонизация состояла в том, чтобы материализовать практическую волю к «моральному обязательству цивилизовать варваров» с помощью их новой культуры (Lee Voa, 2014).

По мнению Бенедикт Андерсон, как перепись и картографирование, музей является правящим инструментом, который воплощает наиболее представительную правительственную культурную систему идеологии и политики западного колониализма в середине XIX века. Другими словами, именно представительное учреждение может визуально выразить свою доминирующую власть над колонией (Lee Voa, 2014). Империалистическая система визуальной выставки, которая заставляет ценить другие культурные артефакты, действует как политическая сила, чтобы воспроизводить и изобретать коллективные воспоминания другого. Культурная власть означает «силу», направленную на проникновение и эксплуатацию всей человеческой жизни, которая включает в себя повседневные обычаи и традиции: это совокупность власти, которая строит социальный порядок го-

сподство и изменяет само общество и культуру, проникая в повседневную жизнь и социальную структуру, доминируя как видимая, невидимая, принудительная или умиротворяющая форма (Suh Jeong Wan, 2014: 118). В процессе культурного воспроизводства власть продолжает двигаться путем реализации господства, контроля, угнетения, финансирования, слияния, ассимиляции, исключения или сопротивления. Таким образом, работа по освещению культурной власти заключается не в том, чтобы исследовать односторонний нисходящий контроль со стороны имперской власти с культурно-исторической точки зрения, а в том, чтобы показать столкновения, переговоры, продолжения и изменения гетерогенных потоков в процессе ее формирования (Yim Seong Mo, 2008: 2).

Корейское материальное культурное наследие было повреждено или утрачено хищническим сбором коллекций, раскопками, грабежом, разрушением, вывозом и другими различными формами, которые включали не только одностороннее уничтожение. Во время японского колониализма общенациональные культурные раскопки проводились под полным контролем военной полиции и правовых систем. Массовый вывоз корейского наследия западными державами был в основном за счет образованных чиновников. В этой статье исследуются специфические практики империалистического корпуса и их членов, которые отвечали за реализацию секретной политической идеологии, которая считается доминирующей на Востоке под предлогом западного культурного проекта, собирающего культурное наследие Кореи, и таким образом выявить истинную природу империализма и деятельность культурной власти.

История повреждения культурного наследия Кореи войнами и империалистами

На корейском полуострове война была исторически 936 раз, и ущерб, нанесенный корейскому культурному наследию, соответствует масштабам этой истории. С XIX века разрушение или отток культурного наследия происходили во время столкновения или вторжения империалистов; в XX веке – во время японской колонизации (1910-45), во время правления военного правительства США (1945-48), после получения независимости от Японии и во время Корейской войны (1950-53).

Среди наследия и реликвий, сожженных или разрушенных в течение девяти войн с мон-

гольской армией в эпоху династии Корё, было сожжено около шести тысяч томов Трипитака Кореана. Оставшиеся восемьдесят тысяч Трипитака (Palman Daejanggyeong, ЮНЕСКО «Память мира», далее именуемая ЮНЕСКО «MOW») являются самым старым из существующих в мире собраний трипитака, которое десятилетиями создавалось как национальный проект по отражению иностранной власти в буддийских писаниях, напомним, что Япония переживала кризисные периоды в то время.

В течение семи лет с 1592 года японские нашествия в Корею (Имджинская война) без разбора разрушали национальные храмы, жилье, общественные здания и т. п., в такой степени, что сейчас существуют только национальные храмы, в основном построенные после 17 века. Японские вторжения вызвали серьезные потери: сгоревший храм Булгукса (реконструированный, всемирное наследие ЮНЕСКО), потерянные экземпляры Летописей династии Чосон (записи династии за 472 года в течение двадцати пяти поколений, ЮНЕСКО MOW), две королевские гробницы, лишённые десятков тысяч селадонов и белых фарфоров, и потерянные пять национальных солнечных часов (лучшие в мире научные часы 15 века).

В XIX веке западные империалистические державы просили Корею открыть порты, тогда как династия Чосона осуществляла изоляционистскую политику. Это противостояние привело Корею к столкновению с французской армией в 1866 году и с американской армией в 1871 году. Во французской кампании Wae-Gyujanggak (Локальная королевская библиотека) на острове Гангхва была сожжена, включая около шести тысяч томов Югве (Uigwe) (Королевские протоколы династии Чосон) и другие книги. В то время около 340 томов Югве стали трофеями французской армии, из них 297 томов (ЮНЕСКО MOW) были возвращены в Корею в 2011 году после 145 лет владения в форме постоянной аренды (Lee Sang Chan, 2003: 158).

В хаосе военного времени или при японском правлении Кореей ее культурное наследие искажалось западными дипломатами, должностными лицами и миссионерами, а также японскими правящими должностными лицами и иностранными солдатами: например, германским советником П.Г. Фон Мёллендорф – оценки в отношении внешней политики короля Коджона династии Чосон, Джоном Б. Бернаду, американским офицером, ответственным за сбор культурного наследия, и французским дипломатом

Колином де Планси. Кроме того, инцидент с грабежом, совершенным Оппертом, немцем, который безуспешно пытался выкопать труп деда короля после того, как не смог установить торговую связь с Чосоном, вызвал большое публичное осуждение.

Согласно японскому правлению и в соответствии с законами, принятыми японским правительством, были осуществлены общенациональные проекты для обследования и раскопок корейских исторических останков. В то же время в среде японской полиции, военной полиции и высокопоставленных чиновников преобладали незаконные грабежи и сделки. Речь идет о коллекции Огуры: Огура Такеноске, богатый японец, собрал более 1100 штук артефактов, включая украденное королевское наследие и останки, найденные из Гюмгванчонг (Гробница Золотой Короны) (The Hankyoreh, 31 июля 2014 года).

Оружие, используемое на узком корейском полуострове в Корейской войне, продолжавшейся три года с 1950 года, известно как равное огнестрельному оружию, используемому в Первой мировой войне. Что касается буддистского культурного наследия, то около двухсот (20%) из национальных 969 храмов были потеряны (Ju Sihy, 2011). Один американец, который был отправлен военным советником и официальным лицом во время Корейской войны, отправил около 100 тысяч единиц корейского наследия в Соединенные Штаты военным почтовым терминалом США (Lee Sang Chan, 2003: 64).

Узкая земля Корейского полуострова была сокровищницей культурного наследия. В современную эпоху, в частности, такое наследие было не только разрушено войнами, но также расплано и вывезено за границу интеллектуальными чиновниками и коммерческими брокерами, способными наживаться на ценностях наследия. Учитывая отсутствие сведений о том, сколько останков было повреждено в Северной Корее, где сосредоточено наследие Когурё и Коре, масштаб ущерба будет намного больше.

Западные кампании как культурные экспедиции

Западные военные кампании против Кореи значительно отличались от традиционных войн с точки зрения силы оружия и способностей к трофеям. Письма французских войск, сообщающихся с правительством, показывают, как имперские державы приобретали трофеи, насколько

ко значительным было такое приобретение, и с какой точки зрения западные люди оценивали корейцев и их культуру.

В начале 1866 года французская кампания против Кореи (Byeong-in yangyo) вспыхнула под предлогом прежней ситуации, когда корейское правительство казнило девять французских миссионеров. За несколько походов семь военно-морских судов Франции, около 1000 моряков на борту, вторглись на остров Гангхва, западные ворота Корейского полуострова. Корейцы были поражены невообразимым современным устройством судов и мощью огнестрельного оружия. Корейская женщина в то время записывала увиденное ею (Lee Kyung Sun, 1980), описывая французский корабль как «большую гору, которая имеет любопытные неизвестные формы и идет без весел, вызывая дым». Кроме того, она осудила корейских солдат, пораженных французской стрельбой и сбежавших, и даже бегущих чиновников, переодетых в гражданскую одежду. Генри Зубер, французский офицер, участвовавший в этой кампании, описал в своей книге «Une expédition en Corée» (Zuber, 1873/2011) местную королевскую библиотеку, как «великое открытие», «сотни книг», «огромное количество документов», и «книги, украшенные картинками». ‘Документами’ и ‘книгами’ были Анналы (Силлок) и Королевские протоколы (Uigwe) династии Чосон.

Адмирал Пьер Гюстав Розе отступил с французскими войсками после упаковки документов Wae-Kyujianggak и серебряных слитков, погрузки их на судно и поджигания правительственных зданий Чосона на острове Гангхва (Lee Yun Sub, 2013). Адмирал направил следующее письмо французскому министру флота и колоний, с волнением сообщив об обнаружении неожиданных трофеев:

На Aviso Déroulède на якорной стоянке Ganghwa, 22 октября 1866 года:

Мы нашли восемнадцать коробок с серебряными слитками в хранилище. Я немедленно организовал подсчет и описал их для точного владения, а затем доставил их в частную зону. Комитет подтвердил, что они стоят 195,217 франков. Вскоре я пришлю вам все эти коробки, милорд. Мы также обнаружили древние документы государства, изумительные книги, которые могут объяснить многие тайны корейской истории, легенд и литературы. Я сделал их список, составленный по правилу, и мой план – отправить эту замечательную коллекцию вам. Я считаю, что вы не преминете оценить это как полезное для доставки в Национальную библиотеку. От командира контр-адмирала Г. Розе (Lee Yun Sub, 2013).

Согласно этому докладу, адмирал выглядит как военно-морской командир и глава экспедиции, который руководил солдатами для выполнения ряда сложных операций в качестве исследователей, которые рылись, рассматривали, классифицировали материалы, решая, что отбирать и что отбрасывать, составляли список и конвертировали ценность коллекции в свою собственную денежную единицу. Даже в момент кризиса, когда они отступали после того, как их застали врасплох, общий процесс загрузки коллекции продолжался и шел систематически и по своим правилам.

Для имперских военных сил, вооруженных передовым оборудованием и знанием культурной экспедиции, тем более выдающимся был тот факт, что они «взяли на себя» трофеи всеми возможными способами. Услышав известие о том, что миссионеры были казнены в Корее, адмирал Розе, который находился в Цин, проявил воинственность и агрессивность, приняв решение о немедленном возмездии и нападении (*Lee Yun Sub*, 2013). Даже без провозглашения войны они сделали Корею целью одностороннего возмездия. Что касается традиций и обычаев общества Чосон, то, игнорируя их, они проявили жесткую власть, когда их принудительное навязывание собственной культуры корейцам не было принято.

Во время войны офицер Зубер писал о корейцах и их культуре, которые произвели впечатление на него (*Zuber*, 1873/2011), описывая их как «более бесхитростных и небрежных, чем японцы и китайцы», «корейские женщины, которые пользуются наибольшей свободой в «Дальнем Востоке», «странные отопительные объекты (Ондоль), основанные на дровяном отоплении полов», «уникальные буквы (хангыль) и идеальные согласные и гласные». Он считал, что корейцы слабее, чем «воспитанные» западные люди, и высоко оценил, что корейские женщины пользуются большей свободой, чем китайские женщины с их связанными ступнями. Он считал установку напольного отопления (Ондоль) столь же странной, как полностью отличной от западного очага, но сказал, что дом оставался теплым благодаря этому. Тем не менее, он был удивлен, что корейцев не интересовало межличностное приличие, встроенное в коллективную культуру Кореи. Зубер признался: «Мне было очень больно признать, что в любом доме есть книги, какими бы бедными они ни были».

В ходе франко-корейских войн обе страны вели столкновения в материальной и культур-

ной сферах. Корейцы не знали истинной природы иностранных захватчиков, кроме факта их появления. Хорошо интегрированная военная сила, решимость и действие в отношении атак, системы отчетности и проявление лояльности, легко побеждающая слабых. В отношении трофеев военная сила была не просто вооруженной армией, но и культурной экспедицией, которая демонстрировала эффективные способности собирать чужие культурные артефакты. Импералисты оценили наличие у корейцев таких важных ценностей, как уважение, этикет, свобода и передовая материальная культура. Для их стереотипных взглядов, предполагающих, что корейская культура и цивилизация «несовременны», функциональные письменность и часто открытые книги в Корее казались «таинственными и прекрасными» явлениями, непригодными для страны.

Иностранные должностные лица и дипломаты как коллекционеры культурного наследия в Корее

Западные державы, внедрившиеся на Восток, проводили свою политику и через достойных людей без оружия. Когда они вооружены знаниями о Востоке и Корее и уже имеют доверие и репутацию из других регионов, они могут эффективно достигать своих целей, сглаживая силу сопротивления.

В XIX веке Япония явно продемонстрировала свою волю доминировать над Корейским полуостровом путем интервенций в корейские дела и недобросовестными принудительными договорами, западные державы использовали Цин в качестве противовеса силам, которые использовали оружие в Корее, заключали коммерческие договоры и устанавливали законность. С началом «Войны Унянхго» в 1875 году, столкновения с японскими войсками, династия Чосон открыла свои порты. Наибольшая озабоченность иностранных коммерческих организаций и дипломатических чиновников, которые прибыли в Корею, заключалась в том, чтобы узнать страну и искать ее культурное наследие, помимо официальных и политических миссий.

П.Г. фон Мёллендорф, немецкий консультант по вопросам дипломатии для короля Кочжона, который приехал в Корею в 1882 году в качестве первого иностранного высокопоставленного чиновника, был человеком, рекомендованным Цин, которые ожидали, что он также хорошо выполнит свою роль там, чтобы держать

под контролем японские амбиции по отношению к стране. Он был не только вооружен отличными способностями, но и специализировался на лингвистике и востоковедении, овладел навыками корейцев и китайцев, а также обширным знанием Востока. Он завоевал доверие со стороны Кореи, представив свою позицию при переговорах и заключении договоров с Великобританией, Германией, Италией и Россией. Нося корейскую официальную одежду с корейским именем «Мок Ин Док (Mok In-deok)» и заработав доверие короля и различные привилегии, он даже взял на себя пост премьер-министра.

Благодаря его поддержке в 1884 году открылась немецкая компания Сечанг Янгхенг (Sechang Yanghaeng) (корейское отделение Н. С. Eduard Meyer & Co.), которая планировала торговлю между Кореей и Германией. Обладая монопольным статусом, эта компания определила свою политическую позицию в Корее и даже получила освобождение от налогов из Германии, которая поощрила эту компанию за корейские антикварные товары, выставленные на Торгово-промышленной выставке в Гамбурге в 1889 году, и в музее искусства и ремёсел в Гамбурге (Kunst und Gewerbe Hamburg) в 1894 (Штампы смотрят на мир. Epost.kr). Письмо, написанное 2 мая 1906 года немецким музеем для немецкого дипломата в Корее, включало «список корейского наследия, которое ожидается» (жанр живописи Кисана, Исторический музей Сеула. Проверено 20 марта 2016 года). Таким образом, корейское наследие было отправлено в то время, когда основным экспортом из Чосона в Германию был красный женьшень, золото и товары из местных продуктов (марки. Epost.kr. Получено 20 марта 2016 года). Согласно подсчетам, 949 штук марок были пожертвованы в течение трех сессий, в то время как все 1,3 миллиона марок, оставшихся в Корее, были приобретены Сечаном Янханом, как показано в журнале торгового представителя Чосон (Epost.kr, там же).

Были некоторые торговые компании, названные на корейском языке, даже когда был открыт порт Джемпуль (Инчхон). Среди них Сечанг Янгхенг (Sechang Yanghaeng) заслужил наибольшее доверие и особенно пользовался популярностью у корейских женщин с высокими повседневными потребностями (Korea Creative Content Agency). Согласно показаниям в списке покупок и продаж Сечанг Янгхенг (Sechang Yanghaeng), опубликованном в китайских письмах по Hanseong Jubo (22 февраля 1886 г.) (Epost.kr, там же), компания продемонстрировала, что

занимается прозрачной торговлей и бизнесом, подходящим для рыночной цены либо в розницу или оптом. Тем не менее, она использовала темные и слабые стороны Чосона, применяя западные капиталистические методы, неизвестные в стране, достигая своей собственной цели, используя лазейку, которая не является законной, но неотличимой от незаконности.

Колин де Планси был французским дипломатом, который в основном собирал древние корейские книги и ценности систематически как западный человек. Он проработал дважды в Корее еще 13 лет, взял на себя инициативу по заключению ратификационных грамот для корейско-французского договора в 1887 году и активно настаивал на том, чтобы Корейская империя участвовала в Парижской универсальной выставке 1900 года. Кроме того, он был глубоко эмоциональным и понимающим корейское общество человеком, влюбленным в корейскую танцовщицу (Pariszoa.com. Получено 9 апреля 2016 года).

Древние корейские книги, собранные Планси, насчитывали 3821 экземпляр (Pariszoa.com, там же), в собрание вошли Джиджи-симхе-йогеол (Антология Великих буддийских священников «Дзэн Учения»), старейшая в мире печатная книга с типом металла (ЮНЕСКО MOW); Yukjo-daesa-beopbo-dan-gyeong, буддийский сценарий; Gyeongguk-daejeon (Национальный кодекс); Гагок-вонрю (Гарамская коллекция), сборник традиционных корейских стихотворений; и классические романы. Кроме того, он собрал антикварные картины и каллиграфические произведения, компасы, глиняные изделия, которые теперь находятся в обсерваториях или музеях Парижа, Франции и т. д. (Pariszoa.com, там же). Его способ сбора старинных книг включал в себя посещение уличных магазинов, книжных магазинов и храмов. Он также спрашивал и покупал такие книги у массы посетителей, которые продавали их по его просьбе (Courant, 1896/2015). Более того, он использовал свою дипломатическую должность и получал королевские публикации от короля Годжона или министров (Courant, 1896/2015).

Рядом с Планси был Морис Курант, востоковед, который профессионально изучал древние корейские книги, работал переводчиком и секретарем французской миссии в Корее. Планировалось, что Курант создает библиографию всех публикаций, в том числе о происхождении Чосона (Pariszoa.com. Проверено 9 апреля 2016 года). Основываясь на отличном знании китайского,

корейского и японского языков, а также опыта в собирании книг, Курант завершил свои исследования на Чосон с публикацией «Bibliographie Coréenne» (Courant, 1896/2015). Эта книга охватывала широкий спектр корейских газет, техники печати, письма и сценарии, историю, мысли, религии и литературу. Что касается Чосона, он был его эрудированным интеллектуальным и профессиональным коллектором.

В 1890-х годах, когда Курант обошел Корею, прошло более десяти лет после открытия портов, появилось много иностранцев. По его словам (Courant, 1896/2015: 13; 15), многие иностранцы находили корейские книги, но не имели ни признательности, ни интереса к признанию великих корейских книг. Ибо они думали, что в Китае сделано много корейских книг, и эти книги были написаны на китайском языке. То есть, они проигнорировали корейские книги, предполагая, что корейские технологии написания и печати отстают от китайских. Однако в руках Куранта и Планси были уже корейские печатные книги с металлическим типом. Это были технологии металлической печати и корейский алфавит (Hangeul), которые Курант обнаружил в корейском наследии.

Ясность корейского духа появляется в прекрасной печати книг, самом простом завершении согласных и гласных в мире и в первую очередь разработанных типах.... Роль Кореи была замечательной в дальневосточной культуре, поэтому, если бы ее состояние было похоже на европейское, то корейские мысли и изобретения могли бы поколебать основы всех окружающих стран (Courant, 1896/2015: 144).

Курант был удивлен одной частью корейской цивилизации и критиковал ее другую часть. Он охарактеризовал корейских литераторов или чиновников, как «рабы собственной мысли, строго связанные со старыми традициями», и сказал от чистого сердца, что они страстны и упрямы в дипломатическом деле (Courant, 1896/2015: 82). С его точки зрения, корейские чиновники выглядели «непросвещенными», погруженными в нереалистичную мысль, слепую по отношению к реальности.

Западная интеллигенция, вооруженная западными знаниями, увлеченная раскопками, желающая осмотреть местности, с продуманными стратегиями, отметила замечательный успех «восточной коллекции». Они установили доверие к корейскому обществу, подчеркнув дружелюбное отношение к Корее. Однако для коллекции они использовали лазейку в корейской

правовой системе: сама их коллекция считалась интеллектуальным увлечением вне общественных и институциональных принципов, чтобы не вызывать проблем в обществе.

В своей идеологической оценке они считали корейцев «низшими», которых они достаточно эксплуатировали. Используя «незнание» корейцев, которые не признавали своих ценностей, они заставили корейцев, неопытных в таких сделках, отдать им книги.

Заключение

В статье рассмотрено, как постепенно осуществлялся империалистический культурный проект, с особым вниманием на процессах сбора корейского культурного наследия. Было проанализировано, как империалисты раскрывают свое мировоззрение в конкретных и практических ситуациях через восточную коллекцию, которая выполняла роль культурного проекта логически обоснованного господства над Востоком. Существуют определенные сложности в изучении современной культурной истории Корейского полуострова из-за ограниченных исторических данных. В этом исследовании экспериментальные записи того времени и настоящие статистические данные использовались, чтобы понять, как западный империализм интерпретировал и рассматривал свою политику в конкретной ситуации и контексте Корейского полуострова.

Империалистические войска, вооруженные новыми технологиями и оборудованием в военных кампаниях, побеждали корейцев, демонстрируя одновременно систематические и профессиональные способности собирать корейское наследие. Империалистическая интеллигенция умела превосходно применять свои научные знания и опыт, тем самым добиваясь успеха. Западные коллекционеры доверяли корейскому обществу, демонстрируя с дружеское отношение к Корее, а также побуждали или использовали корейцев для сбора наследия. Они воспользовались темной и хаотичной ситуацией Кореи, проникнув в общество, неопытное в ведении капиталистического бизнеса и торговли, и достигли своей собственной цели без «незаконной» формы вне институциональной системы. Они предполагали, что корейцы и корейская культура в основном являются «несовременными» и «невежественными». Они критиковали и одновременно использовали «непросвещенных чужаков».

Империалистическая система власти работает как хорошо интегрированная, но согласованность и лояльность членов проявляются не всегда последовательно. Работая в империалистической системе, их индивидуальности и мысли не всегда могут быть обусловлены этой системой. Зубер, художник и чиновник, участвовавший во французской кампании против Кореи, испытывал муки совести от их насилия и заявлял об этом (Zuber, 1873/2011):

Европейские страны слишком часто проявляют насилие и заявляют о необходимости

власти над людьми чужой страны. Когда в стране нет телеграфов, а происхождение их цивилизации отличается от нашей, мы думаем, что нам разрешено ущемлять все их права, не рассматривая их ущерб. Особенно душераздирающим является то, что мы заставляем их истекать кровью во имя чистого и вдохновенного принципа. Кроме того, не является ли принцип, по существу, никогда не применять силу этого печального и сомнительного средства убеждения, которое называется «силой оружия»?

Литература

- Courant, Maurice. Bibliographie Coreenne: tableau de la Coree. Ernest (1896). Trans. by Jung Ki soo. Seoul: Tamgudang, 2015.
 주시후, 이영우. 한국전쟁사. 서울: 한국학정보, 2011.
 이보아. 박물관 경영과 마케팅 박물관학. 서울: 김영사, 2014.
 이경순. «병인양난록과 1866년 강화도 원정기». 비교문학 5(1980):169-188.
 이상찬. «파리 소재 외규장각 도서 반환 협상의 문제점. Seoul Law Journal, Seoul National University. 44(3):135~170, 2003.
 이윤섭. 한미전쟁과 한불전쟁. ebookpub., 2013.
 Said, Edward. Orientalism (1978). Trans. by Park Hong-gyu. Seoul: Kyobo, 2007.
 서정완. «제국일본의 문화권력 연구». Journal of Japanology 100(2014.8): 115~133.
 임성모. «일본제국 문화권력과 학지». 15th workshop, Institute of Japanese Studies, Hallym University. National Research Foundation of Korea, 2008: 1-7.
 Zuber, Henri. Une expédition en Corée (1873). Trans. by Yu So-yon. Seoul: Salim, 2011.

References

- Courant, Maurice. Bibliographie Coreenne: tableau de la Coree. Ernest (1896). Trans. by Jung Ki soo. Seoul: Tamgudang, 2015.
 Ju, Sihy, and Lee, Youngwoo. 'Hangug jeonjaeng sa' [History of Korean War]. Seoul: Korean Studies Information, 2011.
 Lee, Boa. Museum Management and Marketing. Seoul: Kimyounsa, 2014.
 Lee, Kyung Sun. 'Byeong-in-yanganloggwa 1866nyeon ganghwado wonjeong-gi' [Records of Invasion of the West, and an expedition to Gangwha Island in 1866]. Comparative literature 5(1980):169-188.
 Lee, Sang Chan. 'Pali sojae oegyujang-gag doseo banhwan hyeobsang-ui munjejeom' [The Negotiations to Retrieve the Wae-Kyujanggak Manuscripts Currently in Custody of the Paris National Library; What are the Flaws and Problems?]. Seoul Law Journal, Seoul National University. 44(3):135~170, 2003.
 Lee, Yun Sub. 'Hanmijeonjaeng-gwa hanbuljeonjaeng' [Korean-American War and Korean-French War]. ebookpub., 2013.
 Said, Edward. Orientalism (1978). Trans. by Park Hong-gyu. Seoul: Kyobo, 2007.
 Suh, Jeong Wan. 'jegug-ilbon-ui munhwagwonlyeog yeongu' [The Research of «the Cultural Power of Imperial Japan]. Journal of Japanology 100(2014.8): 115~133.
 Yim Seong Mo. 'ilbonjegug munhwagwonlyeoggwa hagi' [Cultural Power of Imperialist Japan and its Scholarship]. 15th workshop, Institute of Japanese Studies, Hallym University. National Research Foundation of Korea, 2008: 1-7.
 Zuber, Henri. Une expédition en Corée (1873). Trans. by Yu So-yon. Seoul: Salim, 2011.